

Балашова Л. История русской метафоры : когнитивный аспект. Saarbrücken, 2011. С. 295–336 ; Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М., 1990. С. 388–392 ; Складарская Г. Метафора в системе языка. М., 1993. С. 72, 92–93 ; Степанов Ю. Словарь русской культуры. М., 1997. С. 94–99, 427–432.

² Примеры взяты из разных подкорпусов НКРЯ за период XX–XXI вв. Поскольку предмет нашего исследования

– принципы формирования метафорических значений, то мы посчитали возможным не указывать конкретные источники и авторов приводимых в качестве примеров высказываний.

³ См.: Астахина Л. История группы слов со значением «игра, развлечение» в русском языке // Историко-культурный аспект лексикологического описания русского языка : в 2 ч. М., 1991. Ч. 1. С. 249–252.

УДК 821.161.1.09-1+929(Державин)

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДИАЛОГА В ПОЭЗИИ Г. Р. ДЕРЖАВИНА (на материале жанра оды)

Т. В. Бердникова

Саратовский государственный университет
E-mail: sintax2@yandex.ru

В статье выделяются стилистические особенности диалога в поэзии Г. Р. Державина: ориентированность на адресата, использование стилистически неоднородных элементов речи, намеренное снижение стиля, не свойственное жанру классической оды.

Ключевые слова: жанр, стилистические особенности, поэзия, ода, стиль.

Stylistic Peculiarities of Dialogue in G. R. Derzhavin's Poetry (on the Material of the Ode Genre)

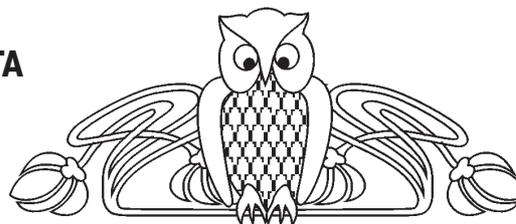
T. V. Berdnikova

In the article we single out stylistic peculiarities of dialogue in G. R. Derzhavin's poetry, the use of stylistically dissimilar speech elements, purposeful slide in style, uncharacteristic of the classic ode genre.

Key words: genre, stylistic peculiarities, poetry, ode, style.

Изучение поэзии русских классицистов, в том числе и Г. Р. Державина, имеет сложившуюся традицию. Об этом свидетельствует большое количество работ Г. А. Гуковского, Д. Д. Благого и других, ставших уже хрестоматийными для современной науки. Поэзия классицизма рассматривается в разных аспектах: литературоведческом, лингвистическом, стилистическом, в аспекте соотношения с узусом литературного языка той эпохи. Большого внимания заслуживает и изучение жанров классицистической поэзии, среди которых наиболее популярным является ода. Изучение жанровой специфики оды в коммуникативном аспекте, выявление стилистических особенностей диалога в рамках этого жанра представляется актуальным, поскольку данный аспект не получил достаточного освещения.

Жанровые особенности оды не раз рассматривались учеными-филологами. Так, ода как одному из ораторских жанров посвящена работа Ю. Н. Тынянова «Ода как ораторский жанр»¹, в которой автор рассматривает ее жанровые особен-

ности: «Ода как витийственный жанр слагалась из двух взаимодействующих начал: из начала наибольшего действия в каждое данное мгновение и из начала словесного развития, развертывания. Первое явилось определяющим для стиля оды; второе – для ее лирического сюжета; при этом лирическое сюжетосложение являлось результатом компромисса между последовательным логическим построением (построение “по силлогизму”) и ассоциативным ходом сцепляющихся словесных масс»².

А. Бэн обозначает место оды в системе литературных родов и жанров: лирическая поэзия «состоит из песен, гимнов и од. Эти произведения обыкновенно небольшого объема и только потому всегда представляют чувство более сосредоточенным и напряженным»³.

Поскольку ода относится к лирической поэзии, для которой свойственны передача чувств и переживаний лирического персонажа, а также «интеллектуальное напряжение»⁴, она служит средством передачи этих переживаний. Передача чувств и переживаний может иметь монологическую и диалогическую форму. Именно ориентированность, установка на слушателя, адресата выступает в качестве доминантного признака оды как ораторского жанра. Как справедливо отмечают Л. К. Граудина и Г. И. Миськевич, «оратору крайне важно ориентировать свою речь на слушателей, учитывая характер аудитории»⁵.

Именно такой, диалогический, характер оды встречается в поэзии Г. Р. Державина. Сам Державин писал об оде так: «Она (ода) не наука – огонь, жар, чувство... Высота оды есть полет воображения, который возносит поэта выше понятия обыкновенных людей и заставляет его, сильными выражениями своими, то живо чувствовать, чего они не знали и что им прежде в мысль не приходило»⁶.

Многие исследователи (В. В. Виноградов, А. И. Горшков, Г. А. Гуковский и др.) отмечают «разрушение высокого стиля» в поэзии Г. Р. Державина, «внедрение в него просторечной и

простонародной лексики и фразеологии»⁷. Этот процесс заметен и в реализации диалогических форм в державинских одах. Диалогическая форма сближает оду Державина с разговорной речью.

Традиционно в поэзии Державина выделяют два типа од: 1) оды отвлеченно-философского содержания, морально-этического содержания (напр., «Бог», «На смерть князя Мещерского» и др.); 2) оды общественно-злободневного содержания (напр., «Фелица», «На счастье», «Видение Мурзы» и др.). Отмечается «зависимость стиля Державинских од от их содержания»⁸: если первые выдержаны в высоком стиле, то в оды второго типа проникает разговорно-просторечная лексика.

Особенно ярко проявляется разрушение высокого стиля в диалогической форме. Так, в оде «Фелица» употребляется лексика «высокого штиля», высокий патетический стиль:

Подай, Фелица! наставленья:
Как пышно и правдиво жить,
Как укрощать страстей волненья
И счастливым на свете быть?⁹

<...>

Ты ведаешь, Фелица! Правы
И человеков, и царей;
Когда ты просвещаешь нравы,
Ты не дурачишь так людей (145).

При обращении к Фелице употребляются слова старославянского происхождения, которые, согласно М. В. Ломоносову, употреблялись в «высоком штиле» (*наставленья, укрощать, волненья, ведаешь*). Однако в этом же контексте употребляется слово *дурачишь*. Слово *дурачить* (дурачить – обманывать, рассчитывая на чью-л. глупость, доверчивость; шутить, насмеяться над кем-н.¹⁰) имеет разговорно-просторечный оттенок. Такое употребление свидетельствует о процессе разрушения высокого стиля, но не о его снижении.

В оде противопоставлены два персонажа: Фелица и лирический герой. Фелице свойственны высокие качества, добродетели. Лирический герой обращается к ней, называя *богоподобной царевной*:

Богоподобная царевна
Киргиз-Кайсацкия орды!
Которой мудрость несравненна
Открыла верные следы
Царевичу младому Хлору
Взойти на ту высоко гору,
Где роза без шипов растет,
Где добродетель обитает:
Она мой дух и ум пленяет,
Подай, найти ее совет (129).

Себя же лирический герой определяет как *развратного* человека, такого, как *весь свет*:

Не дорожа твоим покоем,
Читаешь, пишешь пред налоем
И всем из твоего пера
Блаженство смертным проливаешь;
Подобно в карты не играешь,
Как я, от утра до утра (133).

Ср.:

А я, проспавши до полудни,
Курю табак и кофе пью;
Преображая в праздник будни,
Кружу в химерах мысль мою:
То плен от персов похищаю,
То стрелы к туркам обращаю;
То, возмечтав, что я султан,
Вселенну устрашаю взглядом;
То вдруг, прельщаяся нарядом,
Скачу к портному по кафтан (135).

<...>

Иль, сидя дома, я прокажу,
Играя в дураки с женой;
То с ней на голубятню лажу,
То в жмурки резвимся порой;
То в свайку с нею веселюсь,
То ею в голове ищуся;
То в книгах рыться я люблю,
Мой ум и сердце просвещаю,
Полкана и Бову читаю;
За Библией, зевая, сплю.

Таков, Фелица, я развратен!
Но на меня весь свет похож (139).

По отношению к Фелице употребляется высокая лексика, что было традиционным для жанра оды М. В. Ломоносова и А. П. Сумарокова, по отношению к лирическому герою – нейтральная и стилистически сниженная. Однако Г. Р. Державин отходит от классических традиций и смешивает в оде высокую и низкую лексику: даже при обращении к императрице наряду с высокой лексикой употребляется стилистически сниженная:

Не слишком любишь маскарады,
А в клуб не ступишь и ногой;
Храня обычаи, обряды,
Не донкишотствуешь собой;
Коня парнаска не седлаешь,
К духам в собранье не въезжаешь,
Не ходишь с трона на Восток, –
Но кротости ходя стезею,
Благотворящею душою
Полезных дней проводишь ток (134–135).

Таким образом, слова высокого стиля (*ступишь, кротости, стезею, благотворящею*) смешиваются со словами среднего и даже низкого стиля (*донкишотствуешь*). Глагол *донкишотствовать* не зафиксирован в словаре языка XVIII в.¹¹, но в современных словарях, например в Словаре Ефремовой, по отношению к этому слову дается следующее уточнение: «... употребляется как символ благородства и прекраснотворения, стремления принести пользу людям во имя неосуществимых идеалов»¹². Однако в тексте Г. Р. Державина слово *донкишотствовать* имеет иронический оттенок, выступает показателем сниженного стиля.

Лирический герой восхваляет Фелицу и обращается к ней подобно обращению в живой речи, используется местоимение 2 л. ед. ч. (*Ты*), подробно описывает жизнь императрицы, ее личность:

Почасту ходишь ты пешком, / И пища самая простая / Бывает за твоим столом //. Г. А. Гукковский отмечает, что в поэзии Г. Р. Державина «появляется похвала императрице, написанная живой речью простого человека, говорящая о простой и подлинной жизни, лирическая без искусственной напряженности и в то же время пересыпаемая шутками, сатирическими образами, чертами быта»¹³.

Другой тип, отвлеченно-философского содержания, рассмотрим на примере оды «Бог», в которой лирический герой восхваляет Бога, обращается к Нему как к Творцу всего сущего:

О Ты, пространством бесконечный,
Живый в движеньи вещества,
Теченьем времени превечный,
Без лиц, в трех лицах Божества! (195)
<...>

Создавший всё единым словом,
В твореньи простираясь новым,
Ты был, Ты есть, Ты будешь век!
Ты цепь существ в себе вмещаешь,
Ее содержишь и живишь;
Конец с началом сопрягаешь
И смертью живот даришь.
Как искры сыплются, стремятся,
Так солнцы от Тебя роятся;
Как в мразный, ясный день зимой
Пылинки инея сверкают,
Вратятся, зыблются, сияют, –
Так звезды в безднах под Тобой (196).

В оде «Бог» используется форма обращения 2 л. ед. ч. (*Ты*), тем самым появляется личностное начало в повествовании, «недоступный русской поэзии <...> лиризм индивидуальной человеческой души»¹⁴. Обращаясь к Абсолюту в форме 2 л. ед. ч., лирический герой в то же время рассуждает о Боге в 3-м лице, перечисляя все свойства и ипостаси Бога:

Дух всюду сущий и единый,
Кому нет места и причины,
Кого никто постичь не мог.
Кто все собою наполняет,
Объемлет, зиждет, сохраняет,
Кого мы называем – Бог! (196)

Эта ода строго выдержана в высоком стиле, что обусловлено ее характером и содержанием. Говоря о Боге, употребляется стилистически возвышенная лексика: в основном старославянизмы (*сущий, живот, превечный, зиждет* и др.). Ода «Бог» относится к классическому типу. Как отмечает А. Бэн, «ода есть самое возвышенное выражение сильного чувства; она не назначается для пения. Тщательная версификация – отличительное свойство оды – отчасти должно заступать место пения, отчасти приспособляется к естественным переходам и изгибам сильного чувства»¹⁵.

Диалогическое начало реализуется и в оде отвлеченно-философского содержания, и в оде общественно-злободневного содержания, что выражается в обращении к восхваляемому че-

ловеку или Абсолюту в форме, близкой к живой речи, адресат представлен местоимением 2 л. ед. ч. (*Ты*). Стремление к сближению с живой речью обусловлено тяготением Державина к реалистическому методу. По словам Г. А. Гукковского, «он, впервые в русской поэзии, воспринимает и выражает в слове мир зримый, слышимый, плотский мир отдельных, неповторимых вещей. Радость обретения внешнего мира звучит в его стихах»¹⁶.

Обратимся еще к одной оде – «Осень во время осады Очакова», которая, как и предыдущие, наполнена диалогизмом. В этой оде проявляется одна из специфических черт творческого метода Державина – изображение природы, пейзажа по принципу «индивидуальной выразительности»¹⁷. Как отмечает Г. Б. Буянова, «реалистические пейзажи и бытовые зарисовки, созданные поэтом, могут быть рассмотрены как начало русской пейзажной лирики, реминисцентный фон пушкинских произведений»¹⁸.

Ода строится по следующей композиции: сначала представлены картины осени, которые выполнены в традиции пейзажной лирики, что было не характерно ни для поэзии Ломоносова, ни для поэзии Сумарокова:

Уже румяна осень носит
Снопы златые на гумно,
И роскошь винограду просит
Рукою жадной на вино.
Уже стада толпятся птички,
Ковыль сребрится по степям;
Щумящи красно-желты листья
Расстлались всюду по тропам (224).

Затем следует описание и обращение к русским воинам, которые изображаются как победители. Обращение здесь, подобно обращению в одах Ломоносова, направлено на укрепление духа русских воинов, на создание чувства гордости за свою страну и воинство:

Мужайся, твердый росс и верный,
Еще победой возблестать!
Ты не наемник – сын усердный;
Твоя Екатерина мать,
Потемкин – вождь, Бог – покровитель;
Твоя геройска грудь – твой щит,
Честь – мзда твоя, вселенна – зритель,
Потомство плесками гремит (227).

В следующей строфе русские воины сравниваются с русскими Ахиллесами, что подчеркивает их стойкость, мужество:

Мужайтесь, росски Ахиллеса,
Богини северной сыны!
Хотя вы в Стикс не погружались,
Но вы бессмертны по делам.
На вас всех мысль, на вас всех взоры.
Держайте ваших след отцов! (227)

Обращение к Голицыну также направлено на его восхваление и укрепление мужества:

И ты спеши скорей, Голицын!
Принести в твой дом с оливой лавр (227).

Последняя часть оды наполнена лиризмом. Обращаясь к Голицыну, лирический герой вспоминает его супругу, описание которой наполнено восхищением:

Твоя супруга златовласа,
Пленила сердцем и лицом,
Давно желанного ждет гласа,
Когда ты к ней приедешь в дом (227–228).

На протяжении всей оды по отношению к Голицыну употребляется обращение в форме местоимения 2 л. ед. ч. (*ТЫ*) и только в части, посвященной его жене, используется обращение *супруг*, чтобы усилить чувство семейственности, супружество:

Спешу, супруг, к супруге верной,
Обрадуешь ты, утешь ее! (229)

В оде «Осень во время осады Очакова» выдержан высокий стиль, что выражается не только в использовании возвышенной лексики, но и в формировании образного ряда: ода наполнена образами героев греческой и римской мифологии

Примечательно, что в текст этой оды включается реплика жены Голицына (*Мятеж, борется, вещает: / «Коль долг велит, ты лавры рви»*), которая содержит сниженную лексику (*коль, лавры рви*). Так, речевое поведение персонажа – супруги Голицына, которое проявляется в использовании сниженной лексики по контрасту с основным текстом оды, сближается с живой речью. Такие, стилистически разнородные элементы, принадлежащие разным речевым субъектам, разным речевым планам – плану персонажа и плану автора, взаимодействуют в рамках традиционно стилистически однородного жанра – жанра оды – впервые в поэзии Г. Р. Державина.

В завершении оды представлено обращение к природе, к осени, что тоже было не характерным для этого жанра:

Румяна Осень! – радость мира!
Умножь, умножь еще твой плод!
Приди, желанна весть! – и лира
Любовь и славу воспевает (229).

Диалогизм, свойственный этой оде, придает ей лирический характер. Лирическое начало складывается и из пейзажных описаний, и из обращений.

Таким образом, диалогический характер оды Г. Р. Державина, их стилистическая неоднород-

ность, взаимодействие высокой и сниженной лексики, образная разноплановость в зависимости от стиля свидетельствуют о процессе разрушения жанра классической оды, о ее трансформации и актуализации жанра лирического стихотворения.

Примечания

- 1 Тынянов Ю. Ода как ораторский жанр // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 227–252. URL: <http://philologos.narod.ru/tyunyanov/pilk/poet2.htm> (дата обращения: 12.08.2012).
- 2 Там же. С. 229.
- 3 Бэн А. Стилистика и теория устной и письменной речи: Риторика и виды словесных произведений. М., 2012. С. 261.
- 4 См.: Ларин Б. Эстетика слова и язык писателя. Л., 1974.
- 5 Граудина Л., Миськевич Г. Теория и практика русского красноречия. М., 2009. С. 52.
- 6 Цит. по: Буянова Г. «Румяна осень! – радость мира!» : заметки об оде Г. Р. Державина «Осень во время осады Очакова» // Державинский вестник : газета Тамбовск. гос. ун-та им. Г. Р. Державина. 2008. Май. С. 13.
- 7 Горшков А. История русского литературного языка. М., 1969. С. 234.
- 8 Там же. С. 237.
- 9 Державин Г. Сочинения с объяснительными примечаниями В. Грота : в 9 т. СПб., 1864. Т. 1. С. 132. Здесь и далее тексты стихотворений Г. Р. Державина цитируются по этому изданию с указанием в скобках страницы.
- 10 Словарь русского языка XVIII века. Вып. 7. СПб., 1992. С. 32.
- 11 Там же.
- 12 Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный (онлайн версия). URL: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Efremova-term-21428.htm> (дата обращения: 12.08.2012).
- 13 Гуковский Г. Русская литература XVIII века : учеб. для высш. учеб. заведений. М., 1939. С. 393.
- 14 Там же. С. 392.
- 15 Бэн А. Указ. соч. С. 264.
- 16 Гуковский Г. Указ. соч. С. 409.
- 17 Там же. С. 411.
- 18 Буянова Г. Указ. соч. С. 14.